

Елена Сергеевна СТЕШИЧ,

доктор юридических наук, доцент, ORCID 0000-0001-8047-2697

Академия управления МВД России (г. Москва)

профессор кафедры управления органами расследования преступлений

esteshich@mail.ru

Рецензия

УДК [343.97:343.61(043)](049.32)

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИОННУЮ РАБОТУ ЮЛИИ ВАЛЕРЬЕВНЫ СУХОДОЛЬСКОЙ «МАССОВОЕ УБИЙСТВО В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ»¹

Актуальность темы рецензируемой диссертации не вызывает сомнений. Одну из ключевых позиций в обеспечении безопасности личности, общества и государства занимает эффективное предупреждение насильственной преступности. Несмотря на безусловно положительное влияние факторов общественного развития на сокращение насилия, его тенденции остаются неоднозначными.

Согласно официальным данным общее число преступлений в нашей стране с 2010 по 2023 год снизилось на четверть (с 2,6 млн до 1,9 млн). В частности, произошло уменьшение числа убийств (и покушений на убийство) – на 53,4% (с 15,6 тыс. до 7,5 тыс.), умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 60,1% (с 39,7 тыс. до 16,7 тыс.). Число погибших от преступных посягательств в России за последние более чем 20 лет сократилось в 3,7 раза (с 2000 по 2023 год – с 76,7 до 21 тыс. человек)².

Между тем массовые расстрелы, регулярно повторяющиеся в США, к сожалению, вошли и в российскую криминальную практику, подтверждая тем самым тенденцию освоения ею негативных явлений, свойственных западному обществу. По сведениям общего характера, почерпнутым

из средств массовой информации, можно сделать вывод о том, что массовые расстрелы совершали лица, испытывавшие жизненную фрустрацию, озлобленные на всех вокруг или отдельные социальные группы (соучеников, учителей, сослуживцев, сотрудников правоохранительных органов, соседей) и таким образом мстящие якобы «виновным» в их неудавшейся жизни. Этот вывод вполне коррелирует с ростом в обществе напряженности, психопатизации, агрессивности, конфликтности, выливающейся в драки в общественном транспорте, кровавые стычки между участниками дорожного движения, немотивированные уличные убийства, суициды (в том числе и групповые) несовершеннолетних и молодежи, жестокие избиения подростками людей или убийства животных с видеофиксацией и последующим размещением отснятых роликов в Интернете, совершаемые ими же массовые расстрелы.

Достаточно сказать, что в советский период было зафиксировано всего три случая нападения в образовательных организациях, а с 1993 по 2024 год имело место не менее 40 эксцессов в школах и иных учебных заведениях с применением огнестрельного и пневматического оружия, взрывчатых веществ, ножей, молотков. Известность при-

¹ Суходольская Ю.В. Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования: Дис... канд. юрид. наук. М., 2024. 210 с.

² Представлены данные из формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС «Единый отчет о преступности» // URL: [http:// epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics](http://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics).

Elena S. STESHICH,

Doctor of Law, Associate Professor, ORCID 0000-0001-8047-2697

Academy of Management of the Ministry of Interior of Russia (Moscow, Russia)

Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies

esteshich@mail.ru

REVIEW OF THE OFFICIAL OPPONENT ON THE DISSERTATION WORK OF YULIA VALERIEVNA SUKHODOLSKAYA «MASS MURDER IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS AS AN OBJECT OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH»¹

обретают только наиболее «резонансные дела», связанные с огнестрельным оружием и большим количеством жертв, при этом корень зла видится в самом оружии, его небрежном хранении или «неверно» выданной справке на владение оружием. Между тем, как показывают криминологические исследования, ужесточение запретительных норм в сфере законного оборота оружия неспособно повлиять на предупреждение массовых расстрелов, причины которых имеют социально-психологический фундамент² [1; 2, с. 15-149; 3, с. 26-180].

Этот комплекс факторов достаточно исследован отечественными учеными. Профессор И.И. Карпец, возглавлявший более десяти лет Главное управление уголовного розыска МВД СССР, а впоследствии – директор НИИ проблем законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, на современной базе которого проведено рецензируемое диссертационное исследование, более сорока пяти лет назад писал: «Человек, особенно юный, испытывает массу неформальных влияний, вступает во множество неформальных связей. Поэтому бывает, что неблагоприятная обстановка в семье может быть нейтрализована сторонними положительными влияниями. И наоборот, родителей не всегда можно обвинить в том, что они, мол, воспитывали «трудного подростка». Не «трудного» подростка они воспитали – сына или дочь растили, как умели. Но отрицательное стороннее влияние оказалось сильнее того хорошего, что было в семье. Мне хочется сказать это для того, чтобы при решении сложной проблемы люди не настраивались сразу на безапелляционное обвинение семьи, либо школы, либо производства, либо улицы. Не так всё просто, и по полочкам разложить, конечно, можно, но легко и ошибиться. Человеческая личность в смысле управления, наверное, еще сложнее, чем общественный организм» [4, с. 272].

Поэтому криминологическое исследование поднимаемых в рецензируемой диссертации вопросов в современных условиях имеет необходимость для диссертационного исследования актуальность.

Научные положения, выводы и рекомендации автора обоснованы анализом научной литературы и иных источников информации (149 источников, включая 41 на иностранном языке), судебной статистикой, результатами проведенного анкетирования практических работников, в котором приняли участие 440 респондентов, в том числе 106

прокурорских работников, 122 члена Российской криминологической ассоциации, занимающихся научной и преподавательской деятельностью в высших учебных заведениях, 102 педагогических работника средних общеобразовательных школ Московской области, 110 учащихся 10-х и 11-х классов средних общеобразовательных школ Московской области (с. 11-12 диссертации). Основные результаты эмпирического исследования представлены в приложении: сравнительная таблица черт криминологического портрета скулшутеров (на основании вступивших в законную силу судебных приговоров и постановлений, постановлений органов предварительного расследования и данных психолого-психиатрических экспертиз); сравнительная таблица механизма преступного поведения скулшутеров (на основании вступивших в законную силу судебных приговоров и постановлений, постановлений органов предварительного расследования и данных психолого-психиатрических экспертиз); результаты опроса педагогических работников средних общеобразовательных организаций Московской области о причинах совершения актов скулшутинга и необходимости обязательного школьного психологического тестирования на предмет выявления склонности к актам скулшутинга; результаты опроса экспертов Общероссийской общественной организации «Российская криминологическая ассоциация им. А.И. Долговой»; результаты опроса прокурорских работников (с. 178-211 диссертации).

Достоверность эмпирических данных обеспечивается представленным инструментарием, методикой их сбора, сопоставимостью с результатами иных, ранее опубликованных исследований (их вторичный анализ на основе теоретической базы диссертации). Результаты эмпирического исследования широко приводятся в тексте для аргументации авторской позиции.

Новизна диссертационного исследования заключается в совершенствовании криминологических знаний о феномене массовых убийств в образовательных организациях. В частности, представлен причинный комплекс массовых убийств в образовательных организациях, действующий на уровне макро- и микросреды, составлен криминологический портрет массовых убийц и лиц, склонных к совершению преступлений рассматриваемого вида. Автором предложено к введению в научный оборот понятие «массовое убийство в образовательной организации», разработаны критерии

¹ Sukhodolskaya Yu. V. Mass murder in educational organizations as an object of criminological research: Dis. ... cand. legal sciences. M., 2024. 210 p.

² Миры и смыслы Александра Асмолова (беседа с ученым) // Культурно-историческая психология. 2024. Т. 20. № 1. С. 128-136 // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_65700912_33175332.pdf.

рии, позволяющие разграничить убийства, сходные по объективной стороне, представлены основные направления совершенствования деятельности по предупреждению преступлений рассматриваемого вида, методики выявления лиц, склонных к совершению массового убийства в образовательных организациях (с. 12-19 диссертации).

Основные результаты диссертации нашли свое отражение в докладах диссертанта на научно-практических конференциях и научных семинарах, а также в 16 научных статьях, 7 из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, включенных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации в перечень изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Материалы исследования используются в учебном процессе кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых при подготовке учебно-методических материалов и проведении занятий по дисциплине «Криминология» (2022 г.), а также в учебном процессе кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов» при проведении семинаров по дисциплине «Криминология» (2022 г.) (с. 19-20 диссертации).

Структура исследования соответствует объекту диссертационного исследования, его предмету, поставленным перед диссертантом целям и задачам. Она включает в себя введение, три главы, объединяющие восемь параграфов, заключение, список использованных источников и восемь приложений с результатами эмпирического исследования.

Предметное ознакомление с текстом рецензируемой диссертации позволяет прийти к выводу о том, что основные выводы и предложения, а также положения, выносимые для публичной защиты (с. 8-13 диссертации), обосновываются изученной судебной практикой и результатами проведенных автором эмпирических исследований.

Во *введении* Ю.В. Суходольская обращает внимание на тот факт, что за последние несколько лет в российских образовательных учреждениях зафиксирована неблагоприятная тенденция совершения массовых убийств, когда жертвами становятся учащиеся, педагоги, сотрудники правоохранительных органов, пытающиеся обезвредить преступника, как правило, ученика или студента учебного заведения, являющегося местом совершения преступных действий. Автор обращается к понятию «скулшутинг» и его истории, указывает, что он становится социально-поведенческой моделью для разрешения конфликтов в образовательных организациях.

Глава первая диссертации посвящена раскрытию феномена массовых убийств в образовательных организациях с точки зрения социологии и криминологии (с. 22-62 диссертации).

В *первом параграфе* «Массовое убийство в образовательных организациях как социальный продукт подражания для потенциальных преступников» автор констатирует тот факт, что российское общество становится свидетелем распространения нового социального и криминологического феномена, требующего разработки научных концепций для выработки предупредительных мер борьбы (с. 22-34 диссертации). В частности, отмечается, что термины «массовое убийство в образовательных организациях» и «скулшутинг» являются синонимами. По результатам проведенного анализа сделаны выводы о значимой роли в популяризации скулшутинга современного медиаландшафта, создаваемого средствами массовой информации, интернет-публичными, специализированными форумами. Вследствие деятельности ряда деструктивных интернет-движений акты массового расстрела в образовательных организациях воспринимаются молодежью не как трагедия, а как интересная тема для обсуждения (с. 33 диссертации).

Во *втором параграфе* рассматривается международный опыт определения признаков и распространенности социального феномена массовых убийств в образовательных организациях. Здесь на основе компаративного метода автор демонстрирует современные подходы к пониманию изучаемой формы общественно опасного поведения (с. 34-41 диссертации).

В ходе рассуждений автор называет основной критерий для отнесения криминологами зарубежных государств преступления к категории массовых убийств – это количество лиц, погибших в результате преступных действий, которое должно составлять не менее четырех человек. Диссертант предлагает применять критерий угрозы причинения смерти или причинения смерти многим лицам (с. 23, 40 диссертации).

В *третьем параграфе* первой главы диссертации автор обращается к криминологическим критериям отнесения насильственных преступлений к категории массовых убийств, а также отграничению массовых убийств в образовательных организациях от преступлений экстремистской и террористического характера, указывая на результаты эмпирического исследования, согласно которым в большинстве случаев совершения актов скулшутинга в российских образовательных организациях преступники проявляли интерес к массовым «школьным расстрелам», однако не являлись активными участниками интернет-публичных, пропагандирующих идеологию «Колумбайна» (с. 55 диссертации).

Во *второй главе* диссертации рассматривается формирование личности преступника и механизма преступного поведения в контексте совершения массового убийства в образовательных организациях (с. 62-103 диссертации).

В *первом параграфе* второй главы (с. 62-88 диссертации) предложен взгляд на формирование личности преступника, совершившего массовое убийство в образовательной организации. Отмечается, что фундаментальных исследований процесса формирования личности преступника,

совершившего массовое убийство в образовательной организации, в российской криминологии не представлено. На основе проведенного эмпирического исследования автор выделяет общие черты в психологическом профиле преступников.

Второй параграф второй главы (с. 88-103 диссертации) содержит анализ механизма преступного поведения и факторов, детерминирующих совершение преступлений изучаемого вида. Основной деструктивный контент, по мнению автора, исходит из медиафокусирования на информации о массовых убийствах в образовательных организациях, что влияет на частоту совершения подобных преступлений. «Ужасающий акт инфантицида преобразуется СМИ в сенсацию, которая впоследствии является «генератором» идей у радикально настроенных подростков, грезящих о получении своей «минуты славы» в результате акта скулшутинга», – полагает автор (с. 92 диссертации). Отмечено, что в основе криминогенных деформаций личности несовершеннолетнего преступника зачастую лежит отсутствие эмоциональной близости между родителями и ребенком, непонимание круга интересов подростка, недостаток контроля либо, наоборот, его избыток (с. 94 диссертации). В результате формулируются выводы, выносимые для публичной защиты (положение 5, выносимое для публичной защиты, с. 16 диссертации).

В *третьей главе* диссертации под названием «Основные направления, формы и меры предупреждения массового убийства в образовательных организациях» раскрываются особенности предупреждения преступлений изучаемого вида, проводится анализ наиболее спорных теоретико-прикладных позиций (с. 103-151 диссертации).

В *первом параграфе* третьей главы (с. 103-118 диссертации) описывается зарубежный опыт предупреждения массовых убийств в образовательных организациях на примере Соединенных Штатов Америки. В результате анализа реализации проекта Секретной службы и Министерства образования США «Инициатива безопасной школы» 2002 г., исследовательских проектов Национального центра оценки угроз Секретной службы Министерства внутренней безопасности США «Безопасность колледжей и вузов» 2010 г., «Безопасность в школах с применением модели оценки угроз» 2018 г., «Защита школ Америки» 2019 г. диссертант приходит к выводу о возможности внедрения зарубежных практик в отечественное правоприменение.

Во *втором параграфе* третьей главы (с. 118-135 диссертации) автор обращается к общему и специальному предупреждению массовых убийств в российских образовательных организациях. В ходе критической оценки законодательства диссертант приходит к выводу о том, что какой-либо целевой программы либо подпрограммы по предупреждению скулшутинга в Российской Федерации не принято, а меры, реализуемые субъектами профилактики преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних, носят точечный характер, что недопустимо (с. 123 диссертации).

Для повышения эффективности противодействия преступлениям изучаемого вида автор, в частности, обосновывает необходимость криминализации деятельности, направленной на публичные призывы, публичное оправдание и пропаганду совершения массовых убийств, в том числе с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей (положение 6, выносимое для публичной защиты).

В *третьем параграфе* третьей главы (с. 135-151 диссертации) раскрывается позиция автора по поводу индивидуального предупреждения массовых убийств в российских образовательных организациях. Особое внимание уделяется результатам эмпирического исследования с использованием тест-опросника Л.Г. Почебут, ориентированного на диагностику агрессивного поведения. В результате обосновывается необходимость обязательного психологического тестирования учащихся в образовательных организациях на предмет выявления уровня социализации и социальной психологических установок личности, уровня агрессии и склонности к насилию, что позволит, на взгляд автора, осуществлять раннюю профилактику скулшутинга (положение 7, выносимое для публичной защиты).

Основные итоги диссертационного исследования подводятся в *заключении* (с. 151-163 диссертации).

Ознакомление с текстом диссертации и основанным на ее положениях авторефератом позволяет прийти к выводу о том, что диссертация содержит комплекс отличающихся новизной научных положений, выносимых для публичной защиты, большинство из которых следует поддерживать, в том числе положения: о введении в криминологический оборот определения «массовое убийство в образовательной организации» (положение 1, выносимое для публичной защиты); об установленных в ходе эмпирического исследования особенностях мотивации массовых убийств в образовательных организациях, что позволяет разграничить составы преступлений, похожие по объективной стороне (положения 2 и 3, выносимые для публичной защиты); о криминологической характеристике личности преступника и механизме индивидуального преступного поведения (положения 4 и 5, выносимые для публичной защиты), об организационно-правовых мерах по повышению эффективности предупреждения массовых убийств в российских образовательных организациях (положения 6 и 7, выносимые для публичной защиты). Предложение о внедрении в служебную деятельность правоохранительных органов технологий искусственного интеллекта, позволяющих по ключевым словам отслеживать появление новых деструктивных пабликов и сообществ, реагировать на терминологию («ударю», «взорву», «застрелю», «бомба» и пр.), проходит апробацию в регионах и заслуживает одобрения¹.

Вместе с тем, как и любое научное исследование, рецензируемый труд дал основания для ряда замечаний. Они представлены ниже:

¹ Ямщикова Е. В школах Екатеринбурга поставят камеры и прослушку, чтобы бороться с буллингом и скулшутингом // Современный портал Екатеринбурга – 66.ru: сайт. 07.10.2021 // URL: <https://66.ru/news/hitech/244999/>.

1. Замечания, связанные с соблюдением грамматических правил русского языка, принято ставить в числе последних. Между тем неточность, к сожалению, допущена в названии самого диссертационного исследования. Представляется, что словосочетание «массовое убийство» следует употребить во множественном числе, а именно «массовые убийства», ведь криминологическое исследование направлено на изучение не единичного преступления, а преступности, то есть совокупности преступлений, совершенных на определенной территории за определенный период времени. Как следствие, на страницах диссертации указанная ошибка повторяется, перемешиваясь с правильным употреблением словосочетания – «массовые убийства в образовательных организациях» (с. 4, 15, 24, 35, 37 и др. страницы диссертации).

2. Во втором и третьем положениях, выносимых для публичной защиты, опираясь на субъективные признаки преступления, автор выводит формулу разграничения массовых убийств в образовательных организациях и сходных по объективной стороне преступлений экстремистской направленности и террористического характера, обращая внимание на тот факт, что мотивы преступлений изучаемого вида (скулшутинга) носят личностный характер (с. 13-14 диссертации). Рассуждая, диссертант отмечает, что «в некоторых случаях российские скулшутеры не являлись участниками пабликов, распространявших идеологию «Колумбайн», но интересовались темой «школьных расстрелов», что не может быть расценено как участие в деятельности террористической организации. Многие из российских скулшутеров копировали стиль и поведение Эрика Харриса и Дилана Клиболда, совершивших массовое убийство в школе «Колумбайн» в 1999 г., однако подражание этим убийцам не равно, по нашему мнению, участию в деятельности террористической организации» (с. 55 диссертации).

Здесь, на наш взгляд, кроется противоречие. С одной стороны, к личностным мотивам причисляется подражание известным скулшутерам (положение 5, выносимое для публичной защиты, с. 16 диссертации), но с другой – подтвержденное материалами дела «подражание» автор считает недостаточным для признания преступления террористическим (с. 55 диссертации). Возникает вопрос: «Что должно быть для достаточности?»

Между тем вступившим в законную силу 11 марта 2022 г. решением Верховного Суда Российской Федерации (от 2 февраля 2022 г.) международное молодежное движение «Колумбайн» («Скулшутинг») признано террористической организацией и его деятельность на территории Российской Федерации запрещена.

Из приложения 1 к диссертации следует, что одиннадцать из двенадцати виновных в массовых убийствах/покушениях лиц являлись подписчиками тематических интернет-пабликов «Колумбайн» (с. 178 диссертации).

Полагаем, что указанные действия, сопряженные с последующим массовым убийством в обра-

зовательной организации, после 11 марта 2022 г. образуют совокупность преступлений по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ и п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, что согласуется с руководящими разъяснениями Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (пп. 9, 13, 22.6, 22.7).

3. Сложно согласиться с мнением диссертанта о том, что «субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205.5 УК РФ, характеризуется только прямым умыслом. То есть обязательным элементом субъективной стороны выступает осведомленность лица о наличии вступившего в законную силу решения суда о признании организации террористической» (с. 56 диссертации).

Во-первых, требования об исключительно прямом умысле в качестве основания ответственности за участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, уголовный закон не содержит (ч. 2 ст. 205.5 УК РФ).

Во-вторых, широко известный из римского права принцип «Незнание законов не освобождает от ответственности» (лат. Ignorantia juris non excusat) реализован в положениях ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации: «Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения», – в уголовном законодательстве (ч. 1 ст. 9 УК РФ «Действие уголовного закона во времени»), дополнительно разъясняется в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»: «Лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 205.5 УК РФ, если они совершены после официального опубликования сведений о признании соответствующей организации террористической и запрете ее деятельности на территории Российской Федерации по решению суда» (п. 22.6).

4. Согласно смыслу работы массовые убийства в образовательных организациях могут иметь: 1) общеуголовную направленность; 2) экстремистскую направленность; 3) террористический характер. В положениях 1, 2, 3, выносимых для публичной защиты, обозначаются уголовно-правовые признаки, позволяющие их разграничить по содержанию. Между тем по форме (семантически) наблюдается смешение.

Так, по тексту диссертации и в положениях 2 и 3, выносимых для публичной защиты, употребляется формулировка «массовое убийство в образовательных организациях (скулшутинг)». Очевидно, что автор ставит знак равенства между термином «скулшутинг» и «нападением на лиц,

находящихся в образовательной организации либо на ее территории, с применением оружия и/или предметов, используемых в качестве оружия, и/или взрывчатых веществ или взрывных устройств в целях причинения смерти многим лицам, личности которых не определены заранее, и устрашения окружающих в отсутствие умысла террористической либо экстремистской направленности» (положение 1, выносимое для публичной защиты). Думается, что методологически это неверно.

Определяя теорию и методологию рецензируемого исследования, полагаем, следовало исходить из того, что термин «скулшутинг» применим исключительно к преступлениям террористического характера и экстремистской направленности. Это обусловлено употреблением в качестве синонимов слов «Колумбайн» и «Скулшутинг» (решение Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2022 г.), а также соотношением терминов «экстремизм» и «терроризм» как целого и его части (п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 15.05.2024) «О противодействии экстремистской деятельности»).

5. В положении 4, выносимом для публичной защиты, приводятся результаты криминологического исследования профилей личности виновных, что представляет несомненный теоретико-прикладной интерес. Одновременно акцентируется внимание на том, что перечисленные признаки формируют образ «российского скулшутера». По тексту это словосочетание встречается неоднократно (с. 15, 77, 96, 154 диссертации).

Желательно, чтобы в ходе публичной защиты автор пояснил необходимость введения в криминологический оборот термина «российский скулшутер», который связывает черты личности преступника, судя логике размышлений диссертанта, со страной совершения преступления.

6. В положении 6, выносимом для публичной защиты, указывается на потребность в расширении сферы уголовно-правовой охраны жизни человека дополнением «Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 105.1, предусматривающей ответственность за организацию и осуществление деятельности, направленной на публичные призывы, публичное оправдание и пропаганду совершения массовых убийств»; соответствующий проект федерального закона прилагается (приложение 3, с. 133, 156 диссертации). Между тем данная мысль на страницах диссертации приводится без обращения к статистическим данным, без какой-либо аргументации, убеждающей в криминологической обоснованности нового уголовно-правового запрета.

Законодательство предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, пропаганду терроризма (ст. 205.2 УК РФ), а также за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ). Именно по этим статьям Уголовного кодекса могут быть квалифицированы случаи публичных призывов к массовым убийствам в образователь-

ных организациях, в том числе в связи с признанием в 2022 г. «Колумбайн» террористической организацией, а также рассмотрением коллектива образовательной организации в качестве малой социальной группы, что охватывается признаками экстремизма.

Оправдание и пропаганда массовых убийств для сведения личных счетов – явление, если и встречающееся, то крайне редкое. Поэтому считаем предложение автора излишним.

7. Сложно согласиться с мнением автора о необходимости всецело использовать зарубежный опыт в предупреждении скулшутинга. В частности, это касается предложения за счет средств федерального бюджета разработать мобильное приложение, аналогичное приложению «Safe2Tell», используемому в США, посредством которого любой желающий анонимно может сообщать об угрозах скулшутинга (положение 6, выносимое для публичной защиты).

Следует, во-первых, оценить особенности разграничения таких случаев с заведомо ложным сообщением об акте терроризма, а с другой стороны, что еще более важно, выяснить, не спровоцирует ли эта мера в условиях роста социальной напряженности панику или и новое повышение уровня интереса детей (молодежи) к теме агрессивных девиаций, что само по себе может иметь крайне негативные последствия.

Уходу от рисков в педагогическом воспитании, особенностям возраста и правильной социальной адаптации детей и молодежи, а также этнопсихологической самобытности населения нашей страны посвящено множество работ авторитетных отечественных психологов. Среди них: Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Г. Асмолов, А.Е. Личко. Надеюсь, что автор воспользуется результатами их научных трудов при ответах на сформулированные замечания.

Представленные нами замечания носят частный характер и не могут повлиять на положительную оценку диссертационного исследования в целом.

Автореферат соответствует основному содержанию диссертации.

Таким образом, исходя из текста диссертации и основанного на нем автореферата, можно сделать вывод о том, что диссертация Юлии Валерьевны Суходольской представляет собой самостоятельное творческое, монографическое исследование, которое можно считать завершенной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития науки уголовного права и криминологии. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, изложенным в абз. 2 п. 9 и п.п. 10-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор Юлия Валерьевна Суходольская заслуживает присуждения искомой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки). ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Уголовно-правовые аспекты профилактической деятельности в условиях «новой нормальности» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 248-256.
2. Антонян Ю.М. Причины убийств. М.: Юрлитинформ, 2023. 328 с.
3. Антонян Ю.М. Убийства. Криминологическое исследование. М.: Юрлитинформ, 2022. 296 с.
4. Карпец И.И. Сыск (записки начальника уголовного розыска). М., 1994. 352 с.

REFERENCES

1. Koretskiy D.A., Steshich Ye.S. Uголовно-pravovyye aspekty profilakticheskoy deyatel'nosti v usloviyakh «novoy normal'nosti» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 476. S. 248-256.
2. Antonyan Yu.M. Prichiny ubiystv. M.: Yurlitinform, 2023. 328 s.
3. Antonyan Yu.M. Ubiystva. Kriminologicheskoye issledovaniye. M.: Yurlitinform, 2022. 296 s.
4. Karpets I.I. Sysk (zapiski nachal'nika ugovnogo rozyska). M., 1994. 352 s.

© Стешич Е.С., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Стешич Е.С. Отзыв официального оппонента на диссертационную работу Юлии Валерьевны Суходольской «Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования» // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 177-183.